

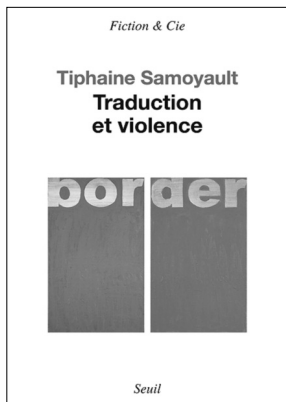
Политика перевода, или этика неперевода

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_331

Samoyault T. Traduction et violence.

Р.: Seuil, 2020. — 206 p.

Новая книга профессора сравнительного литературоведения университета Париж III Новая Сорбонна, руководителя Центра исследований в области искусств и языка Высшей школы социальных наук (EHESS) Тифен Самойо, известной в России в качестве автора биографии Ролана Барта¹, проблематизирует расхожее представление о переводе как о пространстве взаимного «приятия» и продуктивного диалога с «другим». Цель Самойо — напомнить о конфликтной составляющей этого опыта, рассмотрев одновременно в исторической и философской перспективах все аспекты сопряженного с ним «насилия».

Налицо преемственность в отношении концепции, изложенной пятью годами ранее Паскаль Казанова в книге «Мировой язык: Перевод и господство» (2015)², на которую Самойо не ссылается, хотя само словосочетание «мировой язык» использует дважды (с. 22, 164). По мысли Казанова, динамика переводческого рынка отражает социальную иерархию языков. Переводы на «мировой язык» — мировым является не тот язык, у которого наибольшее число носителей, а тот, что большинство выбирает в качестве второго (латынь, затем французский, в наше время английский), — легитимируют оригиналы. Так перевод как инструмент «мирового языка» гарантирует автору «право на существование».

Самойо обращает внимание на то, что переводческий дискурс последних десятилетий (как теоретический, так и институциональный), сообразно миротворческой тенденции дискурса политического, проникнут лексикой «демократического консенсуса»: «согласование» (*négociation, negotiation, negoziazione* — слово, которым, по наблюдению Самойо, злоупотребляет У. Эко³), «диалог», «обмен», «культурная метасация» и т.п. (с. 11, 24). Продолжать говорить на таком языке — значит забывать о «двойной», внутренней и внешней, «онтологической» (с. 78) и исторической, насильственности перевода. Подобно Казанова, Самойо предлагает мыслить перевод не в позитивном, «иреническом»⁴ модусе (с. 25), восходящем к так

- 1 Samoyault T. Roland Barthes: Biographie. Р.: Seuil, 2015; Самойо Т. Ролан Барт: Биография / Пер. с фр. И. Кушнareвой и А. Васильевой; под науч. ред. И. Кушнareвой. М.: Дело, 2019.
- 2 Casanova P. La langue mondiale. Traduction et domination. Р.: Seuil, 2015.
- 3 См.: Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. и проч. А. Ковалю. М.: Corpus, 2015.
- 4 Casanova P. Op. cit. P. 9.

называемому этическому повороту в переводоведении (Антуан Берман, Лоуренс Венути, Энтони Пим⁵) и Полю Рикёру⁶ (с. 22, 149), а в негативном, «политическом», или «агоническом» (с. 52—53, 107). Заметим, что на протяжении всей книги исследовательница говорит о переводе вообще, не разделяя сфер его применения на художественную и нехудожественную.

Давая определение «агоническому переводу», Самойо опирается на работы по политической философии Шанталь Муфф⁷. «Агонизм» — такая форма «антагонизма», при которой вражда становится соперничеством (у соперников, в отличие от врагов, могут быть общие ценностные установки). Поскольку любой порядок подразумевает выбор, а значит, исключение ряда возможностей, агонический перевод есть не компромисс, не синтез, а зона неискоренимых противоречий и «непредсказуемого»: «два» никогда не сведется к «одному» (с. 127). Понятие «непредсказуемого» Самойо заимствует у Эдуара Глиссана, посвящая его философской эволюции — от бинарных оппозиций (язык/речь, устное/письменное) к «поэтике Отношения⁸» и переводу — отдельную главу. Заслуга Глиссана, по мысли Самойо, состоит в том, что он выводит перевод из сферы двусторонних механических связей. Перевод, в его интерпретации, — поэтическое упражнение, соотносимое с процессом «креолизации», в котором участвует множество языков (в одном из разделов главы Самойо анализирует случай «буквальной» креолизации — перевод Пруста на креольский); перевод изобретает некий общий для двух языков язык, в котором сохраняется элемент непредсказуемости (с. 130). Близок к Глиссану Антуан Берман, выдвинувший гипотезу «третьего языка» — посредника в переводе, «регулятора конфликта»: так, например, Шатобриан переводил Мильтона «в виду» латыни. Самойо находит подтверждение идеи Бермана в практике писателей-переводчиков: так, переводя с английского, Бодлер, Малларме и Пруст подвергают родной французский остраниению и создают собственный французский (с. 49); особый случай — практика автопереводов Самюэля Беккета, для описания которой была предложена теория «третьего текста» (с. 43—44).

Самойо критикует привычную оппозицию хороший/плохой перевод и теорию Анри Мешонника, в представлении которого удачный перевод сам становится литературой и, как следствие, не устаревает. Критике подвергается также концепция перевода как средства восстановления изначальной целостности и гармонии языков, в основе которой лежит предание о Вавилонском столпотворении: перевод — это несходство сходного, это всегда борьба, даже для переводчиков-билингвов языки в процессе перевода не равны. Сквозной для всей книги становится антиномия «тождества» (*le même*) и «различия» (*différence*), в понимании которой Самойо опирается на посвященное Паулю Целану эссе Ж. Деррида «Шиб-

5 См.: *Berman A. La Traduction et la Lettre ou l'Auberge du lointain*. P.: Seuil, 1999; *Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. L.; N.Y.: Routledge, 1998; *Pym A. Pour une éthique du traducteur*. Arras: Artois Presses Université; Presses de l'Université d'Ottawa, 1997.

6 См.: *Ricoeur P. Sur la traduction*. P.: Bayard, 2004. Ключевым становится понятие «гостеприимство языка» (*l'hospitalité langagière*).

7 Самойо ссылается на французские переводы книг Муфф: *Mouffe Ch. Agonistique. Penser politiquement le monde*. P.: Beaux-Arts de Paris éditions, 2014; *Idem. L'Illusion du consensus*. P.: Albin Michel, 2016.

8 Глиссан концептуализирует Отношение как новую философию идентичности, структурным принципом которой становится не стержень (корень), а разветвленная сеть (ризома): «...всякая идентичность раскрывается в отношении к Другому». Отношение соотносимо с «блужданием», поэтому дискурс Отношения многоязычен. См.: *Glossant E. Poétique de la Relation*. P.: Gallimard, 1990. P. 23, 31.

болет» (1986)⁹ (нужно отметить, что Деррида — самый цитируемый в книге автор): само по себе различие не имеет значения, значимым оно становится в ситуации пересечения границы (реальной или воображаемой, как в литературе), когда его нужно уметь распознать. Именно «различие» делает перевод агоническим, примером чего может служить английская версия «Фуги смерти», принадлежащая биографу Целана Джону Фелстинеру (с. 58—59), полный текст которой Самойо считала нужным включить в книгу. Особенность данного перевода состоит в том, что к концу с возрастающей частотой возникают слова и строки из оригинала: так, по мнению Самойо, проявляется «различие», имманентное немецкому Целана, на который он будто бы сам себя переводил (немецкий — язык травмы, язык преступления нацистов). Как следствие, именно перевод становится наиболее адекватной стратегией чтения поэта.

Этическая, «реабилитирующая» (с. 32) установка — подчеркивает Самойо — не является константой переводческой мысли. Деятельность переводчиков издревле вызывала страх и недоверие, что нашло отражение в метафоре перевода как предательства — известное *traduttore, traditore*¹⁰, встречающееся и во многих других языках. Показательно, что в официальной историографии Мексики и Перу индейцы-переводчики — Малинче, ставшая женой Эрнана Кортеса, и Фелипильо, обвиняемый рядом хронистов в смерти императора инков Атауальпы, — предстают именно как предатели (с. 31). Можно также вспомнить Мартина Лютера, или друга Рабле, гуманиста Этьена Доле, сожженного на костре вместе со всеми своими книгами за вольность в переводе одного платоновского диалога, истолкованную как отрицание бессмертия души. Подобного рода агрессия имеет место и в наши дни: вслед за Салманом Рушди, чей роман «Сатанинские стихи» вызвал негодование мусульман, травле подверглись и его переводчики — вплоть до того, что один из них был убит.

Почти все исторические конфликты имеют переводческую подоплеку, что, как показала Эмили Аптер¹¹, проявилось с новой силой в контексте борьбы с терроризмом. В этой связи Самойо приводит два примера: Эсская депеша, явившаяся предлогом для начала Франко-пруссской войны (вслед за Аптер Самойо утверждает, что ключевую роль здесь сыграл «ложный друг переводчика» — слово «адъютант», поскольку положение «адъютантов» во французской и немецкой армиях различно), и неоднозначный ответ премьер-министра Японии (*mokusatsu*) на ультиматум американского правительства в июле 1945 г., обернувшийся атомной бомбардировкой Хиросимы. Машинный перевод, широко использовавшийся во время Боснийской войны, чреват не менее роковыми ошибками. Его разрушительность сказывается также в усилении того языкового неравенства, о котором писала Казанова (поскольку выработка переводных алгоритмов возможна лишь на большом объеме текстов, многие языковые пары оказываются не востребованы), и в разобщении людей (вместо живой коммуникации — наушник, обеспечивающий синхронный перевод). Так, машинный перевод ускоряет смерть «малых» языков и, можно сказать, самих переводчиков.

В связи с вопросом ассимиляции мигрантов актуализировалась проблема языковой политики в условиях возникновения новых «общностей» (*communauté*, с. 147). «Общность» для перевода — как отправная точка, так и цель: перевод по самой своей природе коллективен, а личность переводчика множественна, поскольку говорит он одновременно на языке своих читателей, на языке автора и на

9 *Derrida J. Schibboleth. Pour Paul Celan. P.: Galilée, 1986. P. 50—51.*

10 Переводчик — предатель (*umal.*).

11 См.: *Apter E. The Translation Zone: A New Comparative Literature. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2006.*

своем собственном. Однако возникновению общности препятствует «непереводимое», проводящее насилье языковой и идеологической унификации («этноцентризм», в терминологии А. Бермана). Так, например, в 1794 г. во Франции был наложен официальный запрет на использование диалектов, поскольку они не поддаются точному переводу (с. 26—27). По той же логике будут впоследствии подавляться местные языки на территориях колоний, пусть даже под благородным предлогом обеспечить взаимопонимание и равенство. Отсюда — проблемы лингвистической конкуренции на постколониальном этапе истории таких стран, как Алжир и Марокко. Показательно, что легализация арабского языка во всех сферах общественной жизни не сделала алжирцев более свободными от французского, поскольку литературный арабский не является койне. В Марокко, в отличие от Алжира, «война языков» носит открытый характер, поэтому переводческая практика отличается там более высокой динамикой: переводы на арабский становятся формой сопротивления «элитарному» французскому (с. 40).

«Непереводимое» может быть также осмыслено как сопротивление (с. 76). Самой делает акцент на том, что непереводимость бывает разной и некоторые произведения теряют силу на другом языке независимо от качества перевода. Произведения, считающиеся «непереводимыми», — избыточные игрой слов, экспериментальные — неизменно побуждают к новым переводам: так, например, липограмматический роман «Исчезание» («Disparition», 1969) Жоржа Перека переведен на девять языков¹², причем на английский — четырежды. Парадоксальным образом «простые», «прозрачные» тексты переводить труднее: препятствием становится как особое свойство «местного», так и совершенство формы, не дающее тексту подвергнуться деконструкции (переводчик разрушает сделанное автором), прийти в состояние «черновика». Так, «очевидность» Пушкина для русских, которую переводчик «Евгения Онегина» на французский Андре Маркович сравнивал со знанием родного языка, не дает ему стать «мировым автором», подобно Кафке (с. 69—70). Говоря же о Кафке, Самой формулирует мысль, близкую той, что высказал Х.Л. Борхес о Сервантесе в эссе «Суеверная этика читателя»: «“Дон Кихот” посмертно выиграл все битвы у своих переводчиков и преспокойно выдерживает любое, даже самое посредственное, переложение»¹³.

Перевод является актом насилия постольку, поскольку интерпретация переводчика противоречит господствующим идеологическим установкам, открывая путь инакомыслию и разного рода неортодоксальным концепциям. Примером может служить первый женский — и намеренно буквальный — перевод Священного Писания, выполненный единолично американкой Джулией Смит в 1847—1855 гг. (с. 80—82), полемичность которого выражается тройко: 1) оспаривание официальной религии (вместе с семьей Смит была последовательницей еретического учения Уильяма Миллера, согласно которому в 1843 г. должно было случиться второе пришествие); 2) оспаривание авторизованного перевода — Библии короля Иакова (ошибку в расчетах Смит связала с ошибкой в переводе); 3) оспаривание исключительного права мужчин на интерпретацию Священного Писания, стремление вернуться к «букве» божественного закона (опыт Смит, по мысли Самой, может рассматриваться в перспективе феминистской тенденции в теории и практике перевода¹⁴).

12 В том числе на русский; см.: Перек Ж. Исчезание / Пер. В. Кислова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017.

13 Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. С. 134. Пер. А. Матвеева.

14 См.: Flotow L. de. Translation and Gender Paradigms: From Identities to Pluralities // The Companion to Translation Studies / Ed. P. Kuhiwczak, K. Littau. L.: Multilingual Matters, 2007. P. 92—107; Lotbinière-Harwood S. de. Re-belle et infidèle: la traduction

Другой случай диссидентства — издательские стратегии при тоталитарных режимах, когда перевод вынужденно опережает оригинал, как в случае романа «Доктор Живаго» (насилие против оригинала оборачивается умножением переводов), или когда перевод имеет более широкую читательскую аудиторию, чем оригинал, как произошло с «Факультетом ненужных вещей» Ю. Домбровского. В этом же ряду следует рассматривать исторические свидетельства, которые Самойо сближает с переводами на трех основаниях: 1) пространственно-временная дистанция: и перевод, и свидетельство пишутся постфактум и зачастую в другом месте; 2) императив верности (недоверие как рецептивная установка): и переводчика, и свидетеля подозревают в искажениях и неспособности в полной мере передать своеобразие исходного материала; 3) память: и перевод, и свидетельство имеют целью сохранить и передать текст/опыт. В своем рассуждении Самойо исходит из анализа двух глав книги-свидетельства Примо Леви «Человек ли это?» (1947): третьей, «Приобщение», и одиннадцатой, «Песнь Улисса». Три коротких эпизода «Приобщения» — первая ночь в бараке; раздача хлеба; разговор с бывшим сержантом австро-венгерской армии о необходимости мыться — Самойо предлагает читать как три «иносказания» о переводе и насилии. Почему Леви не понимает приказа «Ruhe!», если он знает немецкий? Почему слово кажется ему новым? Потому что концлагерь делает невозможным взаимопонимание и перевод: «Лагерь — настоящий Вавилон; смешение языков — главная особенность здешней жизни»¹⁵. Отсюда — нарушение словарных соответствий, а также связи между словами и вещами: «...через пять минут будут раздавать хлеб — хлеб—Brot—Broit—pane—rain—lechem—kenyé — священную серую пайку, которая кажется огромной в руках соседа и до слез маленькой в твоих собственных»¹⁶. Примечательно, что о несовпадении французского *pain* и немецкого *Brot* говорит и Вальтер Беньямин в «Задаче переводчика». В последнем эпизоде проблема свидетельства осмысливается самим рассказчиком как проблема перевода: «...жаль, что убежденную речь доброго воюки на не слишком уверенном итальянском я передаю здесь на своем языке — языке неверующего. Но смысл сказанного я запомнил хорошо и могу за него поручиться...»¹⁷ В свете этой метарефлексии вся книга может быть прочитана как своего рода перевод на итальянский событий, пережитых Леви по-немецки: не случайно немецкий перевод был прочитан им как второй оригинал (с. 100). Показательно также, что Леви в данном случае настаивал на буквальности, хотя в собственной переводческой практике придерживался иных принципов: так, в послесловии к «Процессу» Кафки Леви объяснял, что старался избегать повторов из жалости к итальянскому читателю. Одиннадцатая глава, в которой рассказчик по пути на кухню дает своему товарищу-эльзасцу Жану первый урок итальянского, декламируя терцины двадцать шестой песни «Ада» из «Божественной комедии», также представляет собой аллегорию перевода-свидетельства: усилие перевода есть усилие памяти (воссоздать недостающую книгу на недостающем языке) и условие выживания.

Мысль о «выживании» получит развитие в предпоследней главе книги, в которой Самойо рассматривает устойчивые для переводческого дискурса сексуальные метафоры (среди них — *belles infidèles* ‘неверные красавицы’). Исследователь-

---

comme pratique de réécriture au féminin / The Body Bilingual: Translation as a Re-writing in the Feminine. Montréal: Les Éditions du remue-ménage, 1991.

15 Леви П. Человек ли это? / Пер. с итал. Е. Дмитриевой. М.: Текст; Книжники, 2011. С. 61.

16 Там же. С. 61—62.

17 Там же. С. 65.

ница отмечает, что перевод, в отличие от письма, чаще всего ассоциируется не с самим событием «произведения на свет», а со схватками. В свое время Поль де Ман, анализируя французский и английский переводы «Задачи переводчика» Беньямина, задавался вопросом, почему в обоих случаях *Wehen* интерпретируется именно как «родовые муки», тогда как, с его точки зрения, акцент делается скорее на смерти, чем на жизни¹⁸ (с интерпретацией де Мана, в свою очередь, не соглашался переводчик этой лекции на французский Алексис Нусс). Одно несомненно: перевод, по Беньямину, генерирует не только отношение родства с оригиналом, но и отношение родства языков между собой (эту идею будет развивать А. Берман) (с. 48, 175—176). В соответствии с другой распространенной концепцией, перевод позволяет вернуться к моменту зарождения оригинала, как о том говорил Поль Валери, осмысляя свой опыт перевода «Буколик» Вергилия, или Пьер Лейрис в связи с Блейком, или Ив Бонфуа, аргументируя выбор не первого словарного, а «биологического» значения слова *labour* при переводе стихотворения «Среди школьников» У.Б. Йейтса (с. 177). По мысли Самойо, обе концепции объединяет идея преобразования структур родства в смысле переворачивания иерархий, размывания границ идентичности, что отвечает ее «политической» установке.

Последняя глава книги посвящена новому «повороту» переводческой мысли, а именно переосмыслению отношения «смысла» и «буквы» текста. Обыгрывая омонимию французского *sens*, Самойо задается вопросом: могут ли «чувства» вывести перевод из плена «смысла»? Ее собственный переводческий опыт (Самойо участвовала в проекте коллективного реперевода «Улисса», среди доставшихся ей эпизодов — монолог Молли Блум) подтверждает значимость телесной составляющей процесса. Даже сторонники небуквального перевода учитывают роль чувств в производстве смысла, апеллируя к «эффекту» тождества: перевод должен читаться так, как если бы оригинал был написан на языке перевода. Тенденция переводить «материальность» текста (визуальную, акустическую) приводит как к экспериментам в духе УЛИПО (омофонический перевод), так и к попыткам перевода нечеловеческих языков.

В заключение следует вернуться к одной из центральных глав книги, в которой Самойо как бы пытается нейтрализовать насилие предыдущей: от «Перевода в лагерях» — к «Быть справедливым в переводе». Что делать, если любой переводческий жест оборачивается двунаправленным насилием? Не давая практических советов, Самойо формулирует утешительную для всех совестливых переводчиков «этику непереводаемого» (с. 106): нужно признать, что перевод никогда не бывает полностью верным и окончательным, несовершенство перевода есть условие его существования. Точность в переводе не всегда справедливость (Самойо здесь обращает особое внимание на близость двух слов во французском: *justesse* и *justice*, с. 113). С одной стороны, буквальный перевод есть насилие над родным языком (с. 124); с другой стороны, ответственность перед «другим» требует именно буквального перевода (с. 150). Конфликт между форенизацией и доместикацией сводится к дилемме искажение/изоляция: сохраняя «инаковость» иностранного, не рискуем ли мы сделать текст неудобочитаемым (с. 151)? Стремление к абсолютной ясности есть желание власти: перевод же напоминает о том, что язык нам не принадлежит¹⁹.

18 *Man P. de.* «Conclusions» on Walter Benjamin's «The Task of the Translator» (Messenger Lecture, Cornell University, March 4, 1983) // *Yale French Studies.* 2000. № 97. P. 25.

19 Рецензия подготовлена по результатам проекта «Перевод в России: междисциплинарные исследования и инструменты анализа» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г.